

*Посвящается Джеку,
моему любимому мальчику*

Пролог

Пропавшего мальчика зовут Алфи Рисби, ему десять лет, и он, откровенно говоря, маленький гаденыш.

Знаю, нельзя так про детей, тем более пропавших. Я своим признанием не горжусь, но если бы пришлось выбирать в классе Дилана мальчика, которому суждено пропасть посреди бела дня, то Алфи оказался бы в списке первым.

Встречаются такие дети, прямо хочется треснуть хорошенько! Вот и Алфи такой был. Может, дело в светлых волосах с рыжинкой — оттенок еще называют медовым. Может, в тусклых глазах цвета изюма. А может, в острых зубках, как у хорька. Да еще каких острых — в прошлом году он укусил няню, так ей даже наложили швы. Она долго бродила с повязкой на руке, как печальное привидение.

Однажды я вызвалась сопровождать детей в школьную поездку — в общем-то, на обычный пикничок в парке Хампстед-Хит, — и Алфи наклонился над тарелкой с сосисками в тесте да выдал, будто мы с ним в баре сидим:

— Ноготочки ничего!

А уж его семейка... Куда там богатеньким мамам и папам школы Сент-Анжелес! Они с родителями Алфи и рядом не стояли.

— Денег куры не клюют, — шепнула мне одна мама, когда мы раскладывали сахарное печенье по подносам на благотворительном мероприятии.

Хотя, по правде говоря, я так относилась к Алфи не из-за волос, богатства и зубов, как у хорька. Нет. Я невзлюбила его за то, как он обращался с Диланом — моим единственным сыном, чувствительным, умным не по годам мальчиком. Как с букашкой — захотел и раздавил.

А моего сына никто раздавить не посмеет.

1

Шепердс-Буш
Пятница, 07:45

Просыпаюсь с песней «Девичника» в голове. Признаться, сингл «Встряска» не совсем оправдал надежд нашей компании звукозаписи. К тому же в день релиза песни Южная Калифорния содрогнулась от чудовищного подземного толчка, который обрушил крытую стоянку, словно карточный домик, и погреб под завалами триста сорок шесть человек. А песня классная, между прочим.

*Ходит ходуном земля;
Ты сказал, что я твоя,
Сердце мне разбил шутя,
Я устала от вранья... —*

напеваю я под одеялом, представляя, что выступаю перед толпой на стадионе «Уэмбли», а не собираюсь мыться еле теплой водой в старом доме Викторианской эпохи. Да еще и дом не весь мой — только половина.

— Дилан! — кричу я. — Вставай, опоздаешь в школу!

В проходе стоит мой сын, уже полностью одетый, вплоть до форменной кепки и галстука.

— Ха-ха. Очень смешно, мам, — он закатывает глаза и протягивает мне банку холодного «Ред булла».

Делаю глоток. Утренний ритуал завершен, и я с головой накрываюсь теплым одеялом.

— Ну правда, давай сегодня не будем опаздывать? — спрашивает сын. — Мисс Шульц предупредила, что тренер меня больше ждать не станет.

Смутно припоминаю, как подписала согласие фиолетовым карандашом для глаз и поставила галочку на пункте «Не имею возможности сопроводить ребенка».

— Из-за поездки? — глухо бормочу я из-под одеяла.

— Да. В заповедник. На птиц будем смотреть. Вставай, пожалуйста!

— Ладно. Так хочешь поехать? — просто тяну время, но вообще-то Дилан торопится даже больше обычного. А вдруг его наконец перестали дразнить?

— Можно я пойду оди-ин? — полухныкает-полуспрашивает он с мольбой в зеленых глазах.

Я вновь убираю с лица одеяло. Свет тусклого осеннего дня просачивается сквозь жалюзи, режет глаза. Неохотно встаю с постели. И почему по утрам так светло?!

— Дилан, мы об этом уже говорили. В школу одного не пушу, тебе десять. Хочешь сидеть в подполье у какого-нибудь волосатого старого педофила? Хочешь до конца жизни...

— Тут говорят «подвал», мам. Только американцы говорят «подполье».

Он так морщит нос, когда произносит «американцы», — прямо нож в сердце. Залпом допиваю «Ред булл» и швыряю банку в кучу похожих на комоды. У Дилана такой вид, будто перед ним радиационные отходы.

— Ты же сдашь их в переработку? Алюминий относится к самым энергоемким материалам на планете. Мистер Фостер показал мне одну документалку...

— Потом расскажешь, Гринпис. Опоздаем в школу. Дилан с недовольным стоном идет на кухню.

— Ну и ладно, — вздыхает он. — Mam, только... — доносится из коридора его голос, — надень, пожа-алуйста, нормальную футболку. Как у других мам. Хорошо?

Опускаю взгляд на футболку из турне «Девичника» две тысячи восьмого года. Мою любимую со времен нашей группы. Давно это было, еще до истории с Роуз. На груди принт с моим лицом, причем, естественно, я там куда моложе. А сзади печатными буквами написано мое имя, «Флоренс», как на футбольной форме.

Стягиваю злополучную футболку через голову; изо рта вырывается отрывок с привкусом таурина. Взгляд падает на оранжевый топ с блестками в куче одежды на полу.

— Будь по-твоему, сынок.

2

*Шепердс-Буш
Пятница, 07:58*

Воздух на улице холодный и прозрачный — стоит ужасная ноябрьская пора, когда часы уже перевели на зимнее время, а до новогодних праздников еще далеко.

Дилан выбегает из дома вперед меня, его рюкзак болтается на одном плече. Наш сосед, мистер Фос-

тер — тот самый поклонник документалок об алюминии, — стоит у дома и кладет отсортированные стеклянные банки в контейнер для мусора. Дилан радостно машет Фостеру. Морщусь. Не очень-то приятно, что лучший друг моего сына — престарелый фанатик переработки отходов. А еще неприятнее, что он постоянно дает Дилану живых сверчков на корм черепашке. Ладно, отложим эту битву на потом.

— Флоренс! — Фостер отвлекается от кучи бабок. — А вы видели...

— Мы торопимся, — бросаю я через плечо, не глядя на соседа. Если Дилан опоздает на школьный автобус, дело плохо.

Хмыкнув, Фостер возвращается к своим банкам.

— Понятно. Не буду отвлекать.

На пути в школу Дилана привычные закусовые с жареной курицей и букмекерские конторы сменяются мясными лавками и магазинами натуральных вин. Вскоре мы проезжаем великолепные белые здания, среди которых посольство Узбекистана и дом Бекхэмов. Школа Дилана всего в нескольких кварталах, прячется в тупике тихой улочки.

Школе Сент-Анджелес для мальчиков исполнилось сто пятьдесят лет, и находится она в величавом викторианском здании — ни дать ни взять из романа Диккенса. Единственная уступка современности — несуразно яркая синяя дверь, да и ту наскоро покрасили несколько лет назад, когда управление перешло частной инвестиционной компании и та попыталась затащить школу в двадцать первый век.

Детей в Сент-Анджелес отводят по распорядку столь же строгому, как на военном параде в Северной Корее. Приезжать на машине категорически запреще-

но, а значит, все родители, даже самые занятые и важные, с трудом выбивают себе место на парковке неподалеку и шагают к внушительным железным воротам, как паломники к Мекке.

Когда мы приезжаем, очередь пилигримов уже огибает здание. Мы немного опоздали; впрочем, Дилан еще успеет на автобус, а я — по очень важным делам. Главное, не попадаться на глаза мисс Доббинс, главе так называемого душепопечительства. Я целый месяц не отвечаю на ее звонки. Чего бы она там ни задумала, добра не жди.

Мы с Диланом становимся за Аллегрой Армстронг-Джонсон и ее бесцветным сыном Вулфи. Держусь на благоразумном расстоянии в надежде, что она не обернется. Не стану называть Аллегру злейшим врагом — эту честь я приберегла для Хоуп Грубер, да и не так уж хорошо я знаю Аллегру, ненавидеть ее особо не за что. И все же она из сент-анджелесских мам, которых я стараюсь избегать. Блестящие каштановые волосы, членство в престижном клубе «Хёрлингем», конная ферма в Норфолке. Ее муж Руперт пишет биографические книги о Черчилле — оказывается, такая работа не просто существует, а еще и позволяет им жить в шикарном таунхаусе в Южном Кенсингтоне.

— Опять опаздываешь, Флоренс? — кудачет Аллегра с притворным участием.

Поднимаю взгляд. Этим утром на Аллегре кожаные сапоги для верховой езды от «Эрмес», зеленая кожаная куртка от «Барбур» и самодовольное выражение. Ее тощая собака породы уиппет, одетая в стеганую курточку, бегаёт без поводка.

Не дождавшись ответа, Аллегра поджимает губы и громко спрашивает:

— Какая ты сегодня нарядная! Большие планы?

От ее тона я словно превращаюсь в школьницу в кабинете директора. К тому же я на десять лет младше остальных мам в Сент-Анджелесе — они-то не залетели в двадцать.

Делаю вид, будто не слышала вопроса, и глажу ее нелепую собачонку.

— Хороший мальчик, Вулфи.

Аллегра хмурится.

— Вулфи — наш сын, не собака!

Тихо напеваю «You're So Vain»*. Когда дохожу до припева, Дилан бросает на меня убийственный взгляд.

— Мам! — шипит он.

— А что? — с невинным видом спрашиваю я. — Это же классика, Карли Саймон поет!

Надо быть с Аллегррой подороже. Она в этих краях вымирающий вид — настоящая британка в Сент-Анджелесе. Ее соплеменники, люди без аристократических титулов и мужей в хедж-фондах, уже перебрались в Суррей. Эта часть Лондона вообще странная, эдакое экзотическое сборище людей со всех уголков мира, и непонятно, откуда у них всех деньги. Честно говоря, здесь легче наткнуться на бахрейнского принца или наследницу греческой судоходной компании, чем на жителя, скажем, Йоркшира. Ходили слухи, будто Сент-Анджелес делает немногим оставшимся британским семьям скидку на обучение, почти как нуждающимся. А что, вполне возможно. Родители-иностранцы не просто так отправляют детей в школу в гольфах и соломенных шляпах — они хотят «полного» погружения в английскую жизнь. К чему превращать образование ребенка в бесконечный ко스플레이 по старым британским традициям, если все остальные дети тоже из Мельбурна, Парижа, Гонконга или Хельсинки?

* «Возомнил о себе» (англ.). — Здесь и далее примеч. пер.